

ОТ АРХАНГЕЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Богатейший фольклор народа коми почти не был известен русскому читателю. Публикация его в различных периодических изданиях и отдельных книжках была крайне отрывочной, во многом поверхностной, без элементарного научного аппарата. Притом все эти издания стали уже библиографической редкостью.

Архангельским (б. Северным) и Коми-областным отделениями Союза советских писателей была проведена большая работа по собиранию, систематизации и переводу фольклора коми на русский язык. Весной 1934 года в область Коми была командирована специальная бригада писателей во главе с Глебом Алексеевым для организации и руководства этой работой на месте. В результате работы бригады было собрано и переведено на русский язык свыше 60 печатных листов фольклорных произведений, из которых большинство не было издано даже на языке коми. Этот материал и лег в основу книги „Фольклор народа коми“ на русском языке. Материал продолжал поступать и после 1934 года, главным образом записанный в послеоктябрьские годы.

Содержание I тома составляют мифы, предания и сказки. Материал в книге расположен по общепринятой классификации фольклора, но с некоторыми изменениями, подсказанными самим материалом. II том „Фольклора народа коми“ составят песни, свадебные плачи, пословицы, поговорки, загадки и фольклор послеоктябрьского периода. Издание его предполагается в 1938 году.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДА КОМИ В СВЯЗИ С ЕГО ФОЛЬКЛОРОМ

I. За большевистскую партийность в изучении фольклора

Советская фольклористика в течение многих лет была отсталым участком теоретического фронта. Если в литературоведении много лет назад были разоблачены враждебные „теории“, то в фольклористике только в конце прошлого (1936) года была вскрыта господствовавшая в ней теория „бедных людей“, утверждавшая, что создателем замечательных произведений фольклора были „высшие“ классы, а не народные массы, которые, будто бы, только донашивали созданные этими „высшими“ классами художественные формы.

Еще Г. И. Успенский видел, что „высшие“ классы пользовались тем, что создавал народ. Из марксистов наиболее обстоятельные работы по мифологии и фольклору оставил Поль Лафарг. В его работах можно найти много весьма ценного для разработки марксистско-ленинской науки о фольклоре, но никто из известных советских фольклористов еще не пробовал обратиться к ним. В статье „Свадебные песни и обычаи“ Лафарг писал (говоря, в основном, о песне, но его слова вполне можно отнести к фольклору вообще, к сказке в частности): „Литература сказителей,— и это необходимо особенно подчеркнуть,— есть произведение не отдельных индивидов, но массы в ее совокупности... Народная песня воспринимается и передается из уст в уста в течение поколений только потому, что она отражает чувства, страсти, предрассудки, суеверия и идеи тех, кто охраняет ее от забвения. Импровизация, непосредственное творчество сопровождает все моменты жизни сурового первобытного человека... При всяком случае, когда собирается побольше народу, находятся импровизаторы, чтобы воспеть события дня“, так как это „единственное средство, знакомое некультурным народам и применяемое ими, чтобы сохранить результаты ежедневного опыта и поддерживать память о выдающихся событиях“. „Безыменная масса создала Илиаду, песнь о Нибелунгах, Романцери, Калевалу (и русские былины — добавим мы. А. П.) — великие героические поэмы, гордость и цвет человеческого духа“. Вследствие своей „точности и правдивости, устная литература обладает исторической ценностью большей, чем любое произведение отдельного индивида, поэтому ею можно спокойно пользоваться (как историческим материалом. А. П.), без опасения быть введенным ею в заблуждение“.*

Но то, что было понятно даже крестьянскому демократу Успенскому, и что разъяснял еще полвека тому назад такой выдающийся марксист, как Лафарг, — оказалось непосильным для понимания „бедных людей“ советской фольклористики.

* Поль Лафарг. Очерки по истории культуры. „Московский рабочий“, 1926, стр. 52—53.

„Что же это за странная „наука“, которая ставит себе целью дискредитировать народное творчество и отнять его у народа? — пишет „Правда“. — Кому нужны эти разговоры о творческом бесплодии народа? Кому выгодно утверждать, что народ получает культуру от высших классов? Фашистам, конечно. Это и доказывает всеми силами фольклористика фашистской Германии в лице Ганса Наумана“.*

Теоретическая беспечность привела к тому, что этой, насквозь враждебной марксизму — ленинизму „теорией“ насыщены работы крупнейших представителей советской фольклористики — профессоров Ю. М. Соколова, М. К. Азадовского, Н. П. Андреева. Эта же вредная теория сказалась и в работах по национальному фольклору. Выступление „Правды“ дает возможность по-настоящему, действительно научно, следовательно и большевистски-партийно (ибо большевистская партийность и научность на любом участке идеологического фронта совпадают) подойти к изучению явлений фольклора.

„Большевики учат рабочий класс и всех трудящихся относиться с величайшим вниманием (подчеркнуто мной. А. Л.) к народному творчеству, а язык — самый ценный продукт народного творчества“, — писала „Правда“ 18 ноября 1936 года в статье, посвященной М. В. Ломоносову.

Как должно относиться к фольклору, созданному народными массами, ясно указал Ленин. В. Д. Бонч-Бруевич сообщает высказывания Ленина о фольклоре как материале, на основании которого „можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных... Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни“.

Ленин понимает народ как его подавляющее трудовое большинство. Именно эта трудовая масса, ее творческий трудовой опыт являются источником, питающим фольклор, выращающим замечательные образцы бессмертных произведений художественного слова. Это прекрасно показал А. М. Горький в своей речи на I Всесоюзном съезде советских писателей.

Горький говорил, что фольклор и мифология являются „отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях“. Он говорил, что „подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества“, всегда питавшего книжную литературу в его лучших и наиболее значительных памятниках. „От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории“. „Когда-то, в древности, устное художественное творчество трудящихся служило единственным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива“. Смысл древних сказок, мифов, легенд „сводится к стремлению древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов, а также силою слова, приемом „заговоров“, „заклинаний“ повлиять на стихийные, враждебные людям явления природы. Последнее особенно важно, ибо знаменует, как глубоко люди верили в силу своего слова, а вера эта объясняется явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей... Заклинаниями пытались действовать даже на богов. Это вполне естественно, ибо все боги древности жили на земле, являлись человекоподобными и вели себя так же, как люди... Бог являлся художественным обобщением успехов труда, и „религиозное“ мышление трудовой массы надо взять в кавычки, ибо это было чисто художественное творчество. Идеализируя способности людей и как бы предчув-

* „Правда“, 21 ноября 1936 г., статья „Бедные люди“.

ствуя их мощное развитие, мифотворчество, в основах своих, было реалистично. Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд. Совершенно ясно, что это стремление было внесено в жизнь людьми физического труда“.*

Фольклор коми представляет собой одно из доказательств неверности „теорий“ о зависимости фольклора от „высших“ классов.

Фольклор народа коми целиком порожден трудовыми массами народа коми. Он достаточно богат по количеству, разнообразию и художественным достоинствам, а в особенности — по социальной насыщенности, по партийности. Когда-то блестящий представитель революционной крестьянской демократии, Н. А. Добролюбов, говоря о партийности литературы, подчеркивал отсутствие в ней „партии простого народа“. Да, в письменной литературе „партии простого народа“ не было, но она была в фольклоре: „простой народ“, трудовые массы были очень партийны в своем художественном творчестве, и это видели революционные крестьянские демократы. Известно, что в своем знаменитом письме к Гоголю, по поводу „Выбранных мест из переписки с друзьями“, Белинский сослался на фольклор, как на доказательство того, с какой ненавистью народные массы относились к духовенству, как к одному из агентов феодально-крепостнической системы.

Да, народ умеет остро ненавидеть и убивать своих врагов оружием метко сказанного художественного слова. Фольклор коми дает тому достаточно много примеров. Поп, кулак, купец, различные категории царских чиновников, наконец, цари — земной и небесный (христианский бог) — являются объектами социальной сатиры в сказках коми, как это достаточно видно из нашего сборника. Ленин учил по фольклору узнавать о чаяниях народных, о его настроениях. Горький учил по фольклору изучать историю трудового народа. Посмотрим же на фольклор коми в свете этих указаний. Это особенно важно для таких народов, как коми, — народа, до революции не имевшего письменности и лишь в языке и фольклоре отражавшего свою историю, свои симпатии и антипатии.

II. Проблемы гражданской истории народа коми

Для массового читателя СССР история народа коми совершенно неизвестна. Да и среди специалистов, занимающихся вопросами истории коми, очень много еще неясностей. До сих пор никто не делал попытки использовать фольклор для постановки ряда наименее ясных проблем истории коми. Вот почему пишущий эти строки счел необходимым, в порядке постановки вопроса для последующей, более всесторонней и глубокой разработки этих проблем, остановиться на этом.

Свыше полутора столетий русскую историческую науку интересовал вопрос о так называемой Биармии. Страна с таким названием вошла в мировую историческую науку с того времени, как король Альфред Великий, около 890 года нашей эры, внес в англо-саксонский перевод всемирной истории Павла Орозия рассказ норвежского викинга Оттара об открытой им стране, начинающейся от впадения в Белое море Северной Двины и продолжающейся в глубь реки очень глубоко. Оттар был одним из тех норвежских героев-родоначальников, которые выехали в другие страны из-за сурового обращения с ними короля Гаральда Прекрасноволосого. Он поселился среди западных финнов, долго жил между ними, брал с них дань и хорошо научился их языку. Жители вновь открытой им страны, казалось Оттару, говорили на каком-то родственном фин-

* М. Горький. О литературе, 1935, стр. 365—381.

скому языку, но все же отличном, и потому Оттар их языка не понимал. Таким образом, Оттар открыл путь в Белое море и по Северной Двине в глубь страны. Он не остался одинок: с конца IX века до 1222 года скандинавские викинги часто бывали в Биармаланде, как они называли эту страну. Исландские саги и норвежские летописи сохранили много рассказов об этих поездках и о самой стране, рассказов, где черты правды тонут в море фантастического вымысла, красивой сказки. Тем же качеством отличаются и рассказы „отца датской истории“ Саксона Грамматика. Нужно осторожно и весьма критически пользоваться этим документом, так как на основе его небывальщин в русской исторической науке, начиная с Ломоносова, создалось уже немало легенд о сказочно-богатым, могущественном и славном государстве „Биармии“.

Примерно до 90-х годов XIX века было принято считать, что Биармией скандинавы называли то, что древнерусские летописи с XIII века знают как „Перемь, Пермия, Пермь“, и что соответствует тому народу, который сам себя всегда называл и называет народом коми. Потом была выдвинута гипотеза, что это не коми, а западнофинский народ — карелы или, собственно, финляндцы. Но и это толкование не удержалось в науке, так как слишком явна натяжка. Так вопрос и продолжает висеть в воздухе, не получив никакого убедительного разрешения. Причина подобного положения в том, что вопросом занимались люди, близко не знакомые с бытом, языком и фольклором народа (так как при отсутствии иных данных только они могут помочь установить истину) и недостаточно внимательно отнесшиеся к данным археологии. На вопросе о Биармии необходимо остановиться потому, что из сказки о „великой Биармии“ как могущественном Западном государстве вырастали претензии финляндских фашистов на „великую Финляндию до Уральских гор“.

В исландских сагах и норвежских летописях говорится, что в Биармию попадали не только через Белое море и Северную Двину, но и через Ботнический залив и Неву. Там имеются указания на то, что русские князья при своих междоусобных раздорах обращались за помощью к биармийцам и быстро получали от них эту помощь; имеется указание на то, что Биармия соседствовала с Суздалью и т. п. Все это говорит о том, что территорию Биармии скандинавы считали исключительно громадной. Биармийцами скандинавы называли все народы, населявшие тогда север и центр России, кроме славян и западных финнов. Последних скандинавы обособляют от биармийцев, отмечая, что биармийцы „живут на восток от Норвегии за финнами и корелами“, что на „север от Норвегии находится Финмархия. За ней береговая линия склоняется на юг и потом на восток, прежде чем дойдем до Биармии, которая находится в даннических отношениях к русскому царю“. * Это последнее известие много позднейшего времени, когда уже скандинавы перестали бывать в Биармии и точно не знали ее географии. Но оно наиболее веско доказывает, что Биармия не была страной западных финнов, так как последние не были „в даннических отношениях к русскому царю“, пока в XIX веке Финляндия не была включена в состав Российской империи.

То, что название „Биармия“ дано в результате соприкосновения именно с народами коми, можно видеть прежде всего из того, что удовлетворительное объяснение этого названия дает только язык коми. Название „Биармия“ — производное от „би-ур-му“, где „би“ — огонь, „ур“ — белка, „му“ — земля, страна, т. е. „страна огненных белок“. Из саг и летописей Норвегии видно, что „Биармия“ привлекала скандинавов как страна, богатая пушниной. В числе вывозившихся оттуда мехов отмечаются и белки. И до сих пор Коми край,

* И. Н. Смирнов. Пермь (и „Восточные финны“. Ист.-этног. очерк. Том II. Часть II. Стр. 74, 18—19.

исключительно богат белкой, а в древности, он еще более изобилует этим зверьком. Об этом мы можем судить по тому, что белка являлась денежной единицей Коми, причем она расценивалась баснословно дешево. Сохранившиеся до сих пор коми названия денежных единиц показывают, что уже тогда, когда русские денежные единицы получили всеобщее признание и употребление, одна копейка стоила три беличьих шкурки („куйим нур“), две копейки — семь беличьих шкурок, три копейки — десять шкурок и т. д. Сто шкурок, вздетых на тонкую хворостинку („шайт“), стоили 27,5 копеек (сейчас слово „шайт“ сохранило значение рубля, а „ур“ означает копейку).

Скандинавы могли бывать в „Биармии“ лишь летом, когда белки бывают огненно-красного цвета. Поэтому вполне естественно, что, удивленные обилием зверьков огненного цвета, скандинавы назвали новый край „страной огненных белок“. У коми до сих пор сохранились пережитки анимизма, пережитки культа животных. Повидимому, древние коми имели белку своим тотемным животным, что могло скандинавам дать особенное основание назвать страну древних коми „страной белки“. Думать так дает основание Стурлаугсага, в которой приведен рассказ биармийцев Стурлаугу о бывшем однажды в Биармаланде большом голоде, во время которого коми приносили жертвы зверю „ур“. Ему бросали в пасть золото и серебро и этим вскормили так, что зверь стал злейшим и страшнейшим из всех зверей. Он пожирал людей и скот, опустошил всю область к западу от Двины. Думается, что этот „ур“ не кто иной, как белка, в коми произношении. Очевидно, что белка считалась тотемным животным, от которого исходило все доброе и все злое.

По данным археологии и названиям местностей, коми населяют ныне занятую ими страну на севере России не одно тысячелетие. А в XIII—XIV веках коми отразились уже в русских летописях, в которых есть рассказы о „Пермии“ как крае древних коми. Название „Пермь“ — производное от „парма“, буквально — высокое место, поросшее лесом. Коренные коми всегда обозначают свой край словом „ларма“ в смысле — лесная страна. То, что русские пришельцы называли край словами из языка коренного населения, не представляет чего-либо необычного: это почти правило, что в названии территории закрепляется туземное слово. Масса населенных пунктов в Северной и Свердловской областях имеют названия коми, сохранившиеся с древнейших времен, когда их заселяли коми.

Таким образом, можно считать установленным, что „Биармия“ включала в себя древний Коми край, и название это было дано от соприкосновения с древними коми. Но в буржуазно-дворянской исторической науке с Биармией связывалось представление о „могущественном“ государстве с высокой культурой. Это миф, красивая сказка. Прав был Смирнов, когда писал, что „саги — очень ценный историко-этнографический источник“, что „ни одна из бытовых черт, отраженных в сагах“, не находится в противоречии с теми данными, которыми мы располагаем относительно древних обитателей нашего Севера*. Но в то же время он писал: „Если последующие историки, как Саксо Грамматик (историк XII века. А. П.), заговорили о Биармии как могущественном государстве, существовавшем до рождения христового, то это уже их вина.“

Из русских летописей мы знаем, что восточнофинские народы стояли на более низкой ступени развития, чем славяне, что они не могли давать организованного отпора нападавшим на них противникам. Коми не имели прочно установленной военно-политической организации, государства в собственном смысле слова, а те, кого называли князьями, были племенными вождями, не более. Коми периода Биармии (IX—XII вв.) бесспорно были раздробленными на

* И. Н. Смирнов. Пермь. Стр. 9—11.

отдельные мелкие группы (так как большими группами трудно было лобывать себе пропитание в одном месте) охотничьим племенем. Косвенное подтверждение этого имеется у Саксона Грамматика. Очевидно, что были попытки отдельных выборных должностных лиц родовой общины встать над общиной, превратиться в феодалов, т.-е. уже появлялись элементы распада родовой общины. Этот момент фольклором отражен достаточно полно, о чем речь будет ниже. Выходцы из Скандинавии также обосновывались в Биармии, как феодалы. Указания на это имеются в летописях Норвегии, где говорится, что разговоры с викингами „от лица биармийцев“ вел бывший среди них норвежец, а Саксон Грамматик сообщает о разговорах, которые от лица биармийцев вел бывший среди них швед. Фольклор коми сохранил легенду о „Кёрт-айка“. Кичин в статье „Корткерос“ * сообщает о предании, которое говорит о том, что Кёрт-айка „более ста лет“ наводил страх на коми, пока конец его „злодеяниям“ не положил Стефан Пермский. Очевидно, что Кёрт-айка — не одна личность, а целый род, в течение очень длительного периода времени терроризировавший массы народа коми. В образе Кёрт-айки народ сохранил воспоминание о феодалах-викингах, облагавших народ данью. Коми называли железо словом „кёрт“, восходящим к иранскому слову, обозначающему железный нож. Очевидно, обработка железа им не была известна долго, и потому вполне естественно для них представить человека, облаченного в железные латы и вооруженного в изделия из железа, „железным человеком“. Скандинавские саги отмечают, что биармийцы не имели оружия и при торговле много раз просили продать им оружие, но скандинавы предпочитали иметь перед собой безоружную толпу, чтобы легче было грабить, и оружия не продавали.

Маркс о соответствующем периоде (IX—XII вв.) в истории России и стран Запада писал: „Готический период России, в частности, представляет лишь одну главу в истории норманнских завоеваний. Как империя Карла Великого предшествует образованию современной Франции, Германии, Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции, самого Московского государства. Ускоренный темп расширения Норманнской державы является следствием не какого-нибудь заранее выдуманного хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманнских завоеваний... Ведение войны и организация завоеваний у Рюриковичей ничем не отличается от такой же организации у норманнов в остальной Европе“. Это высказывание Маркса является ключом к пониманию вопроса о Биармии.

Мы не имеем никаких оснований думать, что древние коми были самым передовым народом Европы, имевшим самую передовую военно-политическую организацию. Имеются все основания думать, что эта организация у коми, как и у всех восточнофинских народов, была очень примитивной. Вернее будет сказать, что ее совершенно не было. Скандинавы имели перед собой разрозненные группы охотников, живущих родовым строем, и потому их можно было грабить безнаказанно. Сага о похождениях Торира-Собаки и его спутников повествует о вооруженном столкновении, после чего было заключено перемирие, во время которого происходила торговля. Скандинавы закупили много мехов и отплыли, но вскоре наступила ночь, под прикрытием которой они вернулись и ограбили храм бога Юмалы (Йомы). В других сагах говорится, что биармийцы платили дань скандинавам, т.-е. просто откупались от их грабежей. Можно думать, что скандинавы перестали бывать в Биармии вследствие отпора, данного им новгородцами, колонией которых Коми край

* „Северная пчела“, 1852 г., № 108.

стал с начала XIII века. С конца XIV века Коми край стал колонией московских князей. То, что он так легко переходил из рук в руки, лишний раз подтверждает примитивность общественной организации народа коми, неспособность его дать отпор врагу. Правда, и саги и русские летописи говорят о наличии у коми института князей. Но еще Смирнов заметил, что коми название князя („ѡксы“) созвучно словам „ѡксѡм“, „ѡксыны“ — собрание, собираться. Очевидно, что это были не князья в собственном смысле слова, а выборные служители родовой общины, собиравшие народ по общественным делам и выступавшие от имени общины, как и греческое „базилевс“ и немецкое „König“ значили не „царь“, а „старейшина рода“, как это убедительно показал Энгельс в „Происхождении семьи“. Московские князья без особых трудностей уничтожили фикцию местных коми князей по миновании в них надобности Общины предпочли иметь дело с наместником Москвы, чем с злоупотреблявшими данной им от московского князя властью своими выборными служителями. Даже Пам, который, судя по житию Стефана Пермского, пользовался исключительным авторитетом, был изгнан из общины приговором самих верующих. Таким образом, до конца XIV века коми имели еще очень слабо разложившийся родовой строй. Правда, борьба между родовыми общинами и отдельными лицами, пытавшимися стать над общиной, происходила, но община всегда оказывалась еще победительницей. Кроме пришельца Корт-айки, феодалами ранней формации, образы коих сохранил фольклор, безусловно являются Яг-Морт, Тунныр-Як, Шипича, Зук, Иркап. Они враждебны массам своими действиями и, хотя все они имеют на своей стороне колдовскую силу, в конце концов погибают в этой борьбе, ибо масса, родовая община сильнее и умнее их.

Процесс выделения из родовой общины феодальной верхушки был прерван в конце XIV века обращением коми в христианство. Московской государственности не представлялось выгодным выращивание местной феодальной верхушки, и, как только край был прочно прибран к рукам, фикция коми князей была уничтожена, а охотничья родовая община узаконена и поддерживается наместниками московских царей. Судя по грамоте московского царя, еще в половине XVI века коми жили исключительно охотой и платили ясак с лука. Организация их в этот период имела такой вид: ясачная единица — лук, затем „сотня луков“ и „знамя“, — „род, имеющий общий знак собственности, тамгу“.* В силу этого обстоятельства коми сохранили массу пережитков родового строя, в частности — в отношении семьи, взаимоотношения полов, о чем будет ниже. Пока же можно считать установленным, что Биармии, как „могущественного государства“, не существовало.

С начала XIII века Коми край стал колонией Новгорода. Новгородцы ввели народ коми в русские летописи под названием перемь, пермя, пермь.** Номинально край оставался колонией Новгорода до того времени, пока сам Новгород не подчинился Москве, но фактическим хозяином с 1379 года стал эмиссар Москвы — миссионер Стефан, с 1383 года ставший епископом Пермским.

Повидимому, Новгород из своей колонии в виде дани выкачивал немалые доходы. Известно, что демократический строй Новгорода на его колонии не распространялся, поэтому народные массы последних не были заинтересованы в том, чтобы поддерживать Новгород. Если бы массы коми народа чувствовали себя хорошо под властью Новгорода, они бы оказали энергичное сопротивление происку Москвы. Но налицо было совершенно противоположное

* Смирнов. Пермьяки. Стр. 158—159.

** Русские бывали в этом крае, разумеется, еще раньше. Так, уже в летописных сказаниях 1096 года о Горяте Роговиче упоминается Коми край, но тогда не было еще собственного имени „Перемь“.

с появлением в крае эмиссара Москвы миссионера Стефана, Новгород был оттеснен, власть Москвы сразу же становится наиболее авторитетной.

Легкость и сравнительно мирный характер перехода края из рук Новгорода в руки Москвы можно понять из особого труда, если попытаться представить конкретные условия эпохи. Новгород и его представители в крае вели себя, как средневековые хищники: грабили народ. Это же самое делали (т.-е. грабили) обосновавшиеся в крае выходцы из Скандинавии, как и выделявшиеся из родовой общины феодальные элементы.

Данные фольклора говорят, что бывали в Коми крае и татары. Летописи Норвегии приводят факт, когда от татарского нашествия сбежало из „Биармии“ в Норвегию много народа. К приезду миссионера Стефана положение в Коми крае можно представить аналогичным следующему: „...повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения... Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле“ (в условиях России — в московском великом князе. А. П.). Королевская (великокняжеская) власть „была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства“. Поэтому „тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существенных рычагов прогресса в Средние века“.*

В условиях, картина которых дана выше, естественно было народным массам Коми края склониться к проповеди московского миссионера Стефана, по существу предложившего протекторат возвышавшейся Москвы краю, благодаря своим пушным богатствам веками (с IX века) являвшемуся объектом грабежа. Признание этого протектората народными массами Коми края также было бесспорно прогрессивно, так как этот край своими пушными богатствами первый приходил на помощь начинавшей складываться московской государственности.

Стефан первый понял роль богатого пушниной Коми края для укрепления московской государственности. Он происходил из семьи пономаря, связанного с богатым купечеством города Устюга, соседившего с Коми краем (начинавшимся тогда от современного Котласа). Он с детства знал язык коми и был образованнейшим человеком своего времени (он был монахом в Ростове-Ярославском, бывшем тогда культурным центром Московской Руси), дальнзозорким политиком и человеком большой силы воли. Он знал существовавшие тогда у коми иероглифические письмена на дереве — „пасы“ и на их основе вырабатал коми азбуку и перевел богослужебные книги. После этой предварительной работы, Стефан предложил московскому митрополиту и великому князю Дмитрию Донскому свой хитрый проект, исключавший кровавую борьбу с Новгородом. Проект основывался на том, что Новгород был православным, а центр православия со времени Ивана Калиты переместился в Москву. Таким образом, переход края под протекторат православной церкви фактически превращал колонию Новгорода в колонию Москвы, чем разрешалась первая половина задачи. Вторая (и основная) половина ее состояла в том, чтобы склонить народные массы к признанию протектората Москвы. Конкретная обстановка в крае, как мы видели, благоприятствовала этому. К тому же Стефан выбрал правильный путь, предложив массам народа коми более высокую форму религиозной культуры на их родном языке. К этому надо добавить, что в голодные

* Энгельс, статья в журн. „Пролетарская революция“, 1935 г., № 6.

годы он подкармливал народ привозимым из Устюга хлебом, а во время набегов враждебных племен на Коми край выступал на его защиту впереди всех. Таким образом он стал популярнейшим в глазах масс деятелем. Перед ним совершенно померкли представители враждовавшей с ним религии — шаманства и начинавшей зарождаться феодальной верхушки. Житие Стефана упоминает Пама как главу коми шаманства, выступавшего противником Стефана и потерпевшего поражение. Так было на территории современной Коми АССР, называвшейся по древним документам — „Пермью Старой“.*

Таким образом духовная власть была первой конкретно-исторической формой действительной политической организации, конкретно-исторической формой законченно-феодальных отношений в Коми крае. Для той исторической эпохи, как это показал Энгельс, это было явлением прогрессивным. Народ коми таким путем был втянут в орбиту более тесных связей с другими народами России, прежде всего — с великим русским народом, в течение многих веков игравшим роль организатора и руководителя исторического сотрудничества народов, в первую очередь — для восточнофинских племен. Пусть этим народам, как и самому русскому народу, пришлось проделать мучительный путь исторического развития, зато в конце этого пути народы России первыми оказались в царстве свободы — в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

С 1570-х годов народ коми русские стали называть не пермянами, а... зырянами. Еще Лепехин производил это название от слова „зырем“, — что значит „оттесненные“. Это же толкование названия „зыряне“ давали Клавдий Попов и ряд других исследователей. Названием этим достаточно подчеркнут факт превращения народа в колониального раба. Видя политику своего недавнего „союзника“ — московского царя, лишившего народ коми даже видимости с в о е й власти — в лице епископа — и конкретно-исторической формы с в о е й национальной культуры (письменность и церковная служба на родном языке), естественно было народным массам с грустью сказать о себе: „ми — зырэм ибз“ („мы — оттесненный народ“). Кличка „зыряне“ укрепились настолько в русской литературе, что действительное название коми до революции никто (кроме самого народа) не знал.

Ясно, что термин „зыряне“ следует вывести из употребления, как уже вывели „сарт“ (вместо „узбек“), „самоед“ (вместо „ненец“) и тому подобные пережитки колониального прошлого.

Следующими проблемами, которые надлежит ставить в связи с фольклором, являются проблемы феодализма, рабства и родового строя.

Буржуазные националисты пытались даже в советское время представить Коми край — краем социальной идиллии, где никакого классового антагонизма не было. Националисты отрицали наличие коми-феодализма совершенно, считая его искусственно насажденным московской государственностью. В действительности же, как мы видели, Коми край шел в направлении феодализма. Фольклор отразил борьбу между феодальными элементами и родовой общиной в весьма значительном количестве образов. В Камской же части Коми края институт

* В Камской части (современный Коми округ Свердловской области), которая по русским историческим документам той эпохи называлась „Пермью Великой, именуемой Чусовая“, феодальные отношения в ту эпоху были более развиты, и потому местные князья выдерживали более длительную (около 100 лет) борьбу не только с посланцами пермских епископов, но и с войсками московских князей, пока не были разбиты войсками князя и царя московского Ивана III в 1472 году. Иван III номинально оставил там правителем местного князька Михаила Пермского, но фактическими хозяевами в крае с самого начала были пермские епископы. Иван Грозный совершенно уничтожил фикцию князей коми, расселив их по другим районам Московского царства.